

Глава 58. Буду скучать

Ветер начала лета бежал сквозь лес, принося с собой ту особую лёгкую влажность, что бывает только в жаркий сезон.

Выйдя из области Бэньцзин, они оказались в средней части Западного Золотого континента, тогда как префектура Аньюань лежала на самом его юге. Поскольку ребята никуда особенно не спешили и собирались по дороге посмотреть на разные места и попробовать местные блюда, весь их маленький караван направился к ближайшей точке на пути — городку Циньнань.

Циньнань с трёх сторон окружали горы, а в центре раскинулось озеро Тяньюань, кормящее окрестные префектуры. У воды как раз настала пора жирной рыбы и крепких креветок, так что юноши уже давно облизывались на эту свежую озёрную вкусноту. По дороге они смеялись и болтали, и настроение у всех было замечательное.

— Кстати, господин Сун, если почтенный Сун в этот раз не поедет с нами в Аньюань, то вы обязательно попросите его быть осторожнее. Пусть лучше остаётся в области Цянькунь или в Чишуге и не ходит далеко. Я слышал от отца, что тот человек из Гуанлина после ухода из Долины Тяньбэй так и не объявился, но в последнее время во многих местах стало беспокойно. Неизвестно, связано ли это с ним, но всё равно лучше быть настороже, — сказал Хуай Чэнъинь.

Он, разумеется, говорил о Сун Яне, который остался в области Цянькунь.

На лице Сун Цзиньяо, как и всегда, держалась вежливая улыбка, и сейчас она тоже не исчезала. Но, беседуя с Хуай Чэнъинем, он раз за разом невольно косился на Фу Линцзюня рядом.

Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь густую листву и целовали неприметное лицо Фу Линцзюня.

Сун Цзиньяо и сам не понимал, не кажется ли ему, но внимание к этому, с виду совершенно обычному брату Линю, у него почему-то всё усиливалось. Не потому, что тот восхищал его познаниями в массивах и талисманных письменах. Скорее где-то глубоко внутри рождалось тревожное беспокойство.

— И ещё Ци Е... — пробормотал Хуай Чэнъинь.

Голос у него был негромкий, но у практиков чувства были острыми, а ехали они близко друг к другу, так что Сун Цзиньяо всё равно услышал. Подхватив тему, он сказал:

— Ци Е на этот раз даосский святой забрал в секту Лянъи для дальнейшего обучения. Для него это тоже великая удача.

Выражение лица Хуай Чэнъиня стало немного сложным. Всё-таки с Сун Цзиньяо они были не настолько близки, поэтому о делах Ци Цунъюя и Ци Е ни ему, ни Шэн Исюэ он никогда толком не рассказывал.

Хуай Чэнъинь своими глазами видел, как обезумел Ци Цунъюй. Он был очень похож на тех жутких живых мертвецов в горе-лабиринте. Хуай Чэнъинь так и не успел разобраться, что за тайна скрывается в теле Ци Цунъюя, как того уже убил Ци Е. Во всяком случае, именно так сказал Е Чжэнвэнь, а проверить Хуай Чэнъинь ничего не успел: Ци Е уже увёл с собой даосский святой Цзян Чаньюань.

Сомневаться в словах даосского святого Хуай Чэнъинь пока не осмеливался. Но чувства к Ци Е у него от этого только становились ещё сложнее.

Все шли на Небесные Состязания ради славы и чести, чтобы прославить себя или свою семью. Но у Ци Е всё было иначе. В префектуре Лошу его положение было особенно неловким. Он тоже был членом рода, тоже обладал неплохим даром, но происходил из побочной ветви, а потому по положению внутри рода между ним и Ци Цуньюем лежала целая пропасть. Говорили, что он вступил в Небесные Состязания ради того, чтобы добыть лекарство для больного дяди. Теперь этого дядю тоже забрали с собой в секту Лянъи лечиться. Все кругом твердили, что Ци Е просто невероятно повезло и даосский святой к нему благоволит, но Хуай Чэнъиню почему-то от этого было совсем не по себе.

— Да уж, удача у него и правда небесная... — не желая продолжать тему, Хуай Чэнъинь очень быстро перевёл разговор на себя и Шэн Исюэ. — Госпожа Шэн — такая хрупкая лекарка, а всё равно целыми днями носится с нами туда-сюда. Это правда нелегко.

Вот теперь уже говорить не хотелось Сун Цзиньяо.

Так что на этом их беседа благополучно умерла.

Оставшись без дела, Хуай Чэнъинь переключил внимание на Сян Сина. По какой-то причине лошадь под ним шла особенно тяжело, будто несла на себе настоящего великана. Хотя Сян Син, конечно, и правда был выше и крепче обычных людей, но не настолько же тяжёлым?

Сян Син, маскировавшийся под простого здоровяка, и сам заметил, что его лошадь вот-вот не выдержит. Он посмотрел в сторону хозяина, надеясь, что тот либо решит проблему, либо хотя бы велит всем остановиться и дать лошади передохнуть. Но именно в этот момент он увидел, как уши Фу Линцзюня из бледных постепенно становятся красными.

Спрятавшиеся в траве насекомые тихо жаловались на жару, птицы хлопали крыльями у них над головами, а долго пролежавшие в земле цикады наконец выбрались наружу и звенели без умолку. И среди всего этого шума вдруг послышался очень тихий, мягкий, липкий голосок. Сян Син наострил уши и узнал голос Сяо Бая.

Что именно тот сказал, он, правда, не разобрал.

— Хозяин... — начал Сян Син.

В этот миг раздался глухой удар: колесо повозки налетело на крупный камень и с грохотом снова опустилось на землю.

Следом донёсся и женский вскрик изнутри повозки.

Несколько юношей, которые до этого неторопливо ехали впереди и любовались пейзажем, резко обернулись.

— Госпожа Шэн! — Е Чжэнвэнь поспешно остановил повозку и оглянулся. — Я не заметил, что тут такой большой камень...

Чем дальше он говорил, тем сильнее смущался. Поднять полог и заглянуть внутрь казалось слишком бесцеремонным, так что он только спросил ещё раз:

— Вас не задело?

Изнутри повозки раздался звонкий голос Шэн Исюэ:

— Со мной всё в порядке, а вот господин Цзян...

Она договорилась лишь до половины, потому что Фу Линцзюнь, который секунду назад ещё ехал впереди верхом, сам невесть когда спешился, подошёл к повозке и без всяких церемоний отдёрнул полог.

Взгляд у него был необыкновенно резким. Когда он скользнул внутрь, Шэн Исюэ даже не решилась встретиться с ним глазами.

В этот момент Цзян Тан как раз подбирал осколки разбившегося горшка с лекарственной травой. Только что он закончил говорить с Шэн Исюэ о том, поедет ли в Хуаньюнь, как вдруг поднял голову и увидел перед собой Фу Линцзюня. Рука у него дрогнула, и острый осколок полоснул по пальцу.

— Л-Линь Шэн... ты... почему... — Фу Линцзюнь когда успел появиться?! Неужели он услышал то, что он только что сказал?

Цзян Тану совершенно не хотелось, чтобы Фу Линцзюнь слышал его слова. Ровно так же, как с самого утра, после того сна и пробуждения в его объятиях, ему всё время хотелось избегать его взгляда.

И потому он очень заметно отодвинулся назад, а раненый палец поспешно спрятал за спину и опустил голову.

Не увидев, как Фу Линцзюнь слегка нахмурился.

Наверное, из-за того, что он превратился из зверька в человека, душевное состояние Цзян Тана в последнее время всё время металось вверх-вниз. Раньше его чувства к Фу Линцзюню сводились в основном к тому, что он любовался его красотой, хотел ухватиться за крепкое бедро и найти надёжного хозяина. Но после того сближения душ всё это естественным образом стало чем-то большим: простая жадность до красоты сменилась почти смиренной готовностью признать, что между ними уже не осталось прежней невинной дистанции.

Конечно, это смирение очень быстро разбилось о то, что Фу Линцзюнь всё забыл. Но сам Фу Линцзюнь давно стал для Цзян Тана по-настоящему важным.

Ему было важно, обнимет ли Фу Линцзюнь его или нет. Важно, не мучается ли его тело. Важно, какой путь по сюжету он сейчас проходит... Раньше Цзян Тан думал, что такая важность объясняется только тем, что Фу Линцзюнь — его хозяин. Но после того как он стал человеком, это перестало быть похоже на правду.

Похоже, у него появились недозволенные мысли насчёт собственного «хозяина».

А сам он в глазах другого человека, наверное, всего лишь превратился из пушистого брелока в брелок человеческой формы.

Шэн Исюэ, единственная лекарка в отряде, действовала быстро. Она сразу вынула из жемчужины Нахай флакончик порошка и посыпала им рану Цзян Тана:

— Всё в порядке. Это самые обычные духовные травы. Я просто использовала их, чтобы практиковать метод Жуншэн. Разбились и разбились.

Цзян Тан избегал взгляда Фу Линцзюня. И только когда Шэн Исюэ перевязала ему палец, он понял, что Фу Линцзюнь уже ушёл. За отдёрнутым пологом остался один только Е Чжэнвэнь.

Честное слово, ну и нежности же он развёл, подумал Цзян Тан.

И заботы от Фу Линцзюня хочется, и чтобы никто не тыкал в его тайные мысли тоже хочется.

Из-за этой маленькой заминки, да ещё и потому, что обычным лошадям требовался отдых, вся компания решила устроить привал на месте. Цзян Тан, как страус, не пошёл садиться рядом с Фу Линцзюнем, а остался возле Шэн Исюэ.

Вообще Шэн Исюэ не была особенно разговорчивой, но сегодня она почему-то пребывала в замечательном настроении и при любом удобном случае расхваливала талант Цзян Тана в лекарской практике. Несколько юношей сразу окружили его и принялись расспрашивать о разном. Пока Цзян Тан, запинаясь, отвечал, он всё равно не удерживался и украдкой поглядывал на Фу Линцзюня.

Тот стоял рядом с Сян Сином. Сян Син наклонился и что-то тихо говорил ему на ухо, а Фу Линцзюнь только слегка кивал.

Вскоре из леса выпорхнула персиково-розовая духовная птичка и легко опустилась Фу Линцзюню на палец.

Цзян Тан узнал её. Это была духовная птица Лу Сина, того самого помешанного на сплетнях человека, с которым Фу Линцзюнь, едва явившись в область Цянькунь под именем Линь Шэна, завёл знакомство. Тогда великий босс с невероятным размахом швырялся деньгами в чайной, из-за чего к нему и прилип один жадный любитель слухов. Позже великий босс заплатил ему кучу денег и сделал своим поставщиком сведений со всех концов света.

Когда духовная птица растаяла, Цзян Тан увидел, как Фу Линцзюнь двинулся к ним своими длинными шагами.

— Брат Линь, брат Линь, ты знаешь? У господина Цзяна потрясающий талант в лекарской практике! — не удержался Е Чжэнвэнь и первым поделился новостью.

Но Фу Линцзюнь даже не стал это комментировать. Вместо этого он сообщил то, чего не ожидал никто: на какое-то время он собирается уйти один.

Учитывая загадочность Фу Линцзюня, юноши не стали слишком уж расспрашивать о его делах и вместо этого тут же начали строить маленькие планы на отдых в Циньнани.

— Впереди уже Циньнань. Брат Линь, иди по своим делам. Мы подождём тебя в городке, будем есть, пить и гулять, — сказал Хуай Чэнъинь.

Остальные тоже закивали.

Взгляд Фу Линцзюня скользнул по всем и в конце концов остановился на лице Цзян Тана. Он глубоко, очень внимательно посмотрел на него, а потом отвёл глаза:

— Через три дня я вернусь.

— Отлично. За три дня мы, наверное, и половины всего вкусного в Циньнани не успеем перепробовать. Когда брат Линь вернётся, тогда и устроим ещё несколько хороших застолий

перед отъездом!

Цзян Тан вдруг запаниковал.

Ещё минуту назад он старательно избегал Фу Линцзюня, а стоило услышать, что тот уходит на три дня, как на сердце стало пусто. Фу Линцзюнь не сказал, что возьмёт его с собой. Даже Сян Сина оставил, значит, опять собирался идти по сюжету один.

Цзян Тан прекрасно понимал, что он всего лишь обуза и брелок, так что у него не хватило бы наглости самому попроситься пойти вместе.

Он мучительно колебался до самого последнего мгновения. И только когда Фу Линцзюнь действительно собрался уходить, Цзян Тан, глядя на него огромными жалобными глазами, наконец не выдержал. Он быстро подбежал, догнал его и вцепился в рукав.

Фу Линцзюнь был намного выше, и теперь, когда смотрел на него сверху вниз, это вызывало в сердце Цзян Тана лёгкую робость.

— Я... я хочу кое-что... тебе сказать, — набравшись храбрости, выпалил Цзян Тан, хотя на самом деле просто искал повод заговорить.

— Что именно? — лицо Фу Линцзюня, как обычно, оставалось безразличным.

Маленькая рука, стиснувшая его рукав, чуть сильнее потянула ткань.

Потом перед Фу Линцзюнем поднялся палец, густо намазанный лекарственной мазью.

— Больно, — подняв голову, сказал юноша. В его влажных глазах целиком отражался Фу Линцзюнь.

Фу Линцзюнь скользнул взглядом по этому пальцу, едва слышно хмыкнул и сказал:

— У Шэн Исюэ хорошее лекарство.

Цзян Тан тихо прикусил нижнюю губу.

Он медленно опустил раненую руку, помолчал немного, будто лихорадочно соображая, что ещё можно сказать.

Фу Линцзюнь тоже не уходил. Он спокойно позволял ему тянуть себя за рукав.

— И ещё, — вдруг кое-что вспомнив, Цзян Тан резко поднял голову. — У меня нет... твоего знака... духовной связи.

После того как Цзян Тан однажды наизусть отбарабанил формулу, Фу Линцзюнь уже знал, что память у него отличная. Услышав вопрос о знаке духовной связи, он словно сам стал похож на снежную гору, которая вот-вот начнёт таять под мягким ветром.

— Это всего три дня. Зачем тебе мой знак духовной связи? — сегодня этот маленький зверёк ведь целый день от него шарахался.

Ночью ещё льнул к нему и делал такие смелые вещи, а утром снова всё забыл. Мало того, стал смотреть на него как на заразу.

Когда заговорили о том, чтобы ехать вдвоём на одной лошади, Фу Линцзюнь прекрасно слышал, как он тихонько возразил. Мало ему было возразить — он ещё и головой покачал, чтобы наверняка поняли. А позже даже раненый палец не захотел ему показать, словно решил с этого дня больше вообще не иметь с ним никаких дел.

И потому сейчас Фу Линцзюнь специально сказал это, чтобы его подразнить.

Цзян Тан всё так же держался за край его одежды и мягко, едва слышно произнёс:

— Потому что... буду скучать по тебе.

Примечание автора:

Сахарок с прямым ударом вышел на поле!

<http://bllate.org/book/17032/1644410>